

М.В. ИЛЬИН*

**TRANSLATIO IMPERII.
ВОСПРОИЗВОДСТВО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО
НАСЛЕДИЯ РИМА¹**

Аннотация. В статье рассматриваются различные варианты институционального строительства имперских структур, так или иначе отождествляемых с классической империей Рима. Обзор охватывает собственно римскую традицию и формирование последовательных версий имперско-республиканского комплекса. Различаются два способа использования институциональных структур: прямое и непосредственное наследование с преимущественно вертикальным переносом свойств и опосредованное восприятие с преимущественно горизонтальным переносом.

Рассматривается продолжение модифицированного существования римской традиции в виде теократической симфонии Царствия ромеев (*Βασιλεία Ῥωμαίων*) в Восточном Средиземноморье и хризалиды (теократии с феодализованной горизонталью и иерархической вертикалью) Христианской республики (*Respublica Christiana*) в Западной Европе. Отмечаются три попытки восстановить полноту имперской структуры еще в рамках западноевропейской хризалиды: удачную Карла Великого, не вполне удачную в виде Священной Римской империи и совсем неудачные усилия Плантагенетов заложить империю на западе Христианской республики в ходе Столетней войны.

Разбираются дальнейшие варианты уже опосредованного воспроизводства классических римских порядков в Соединенном Королевстве, а затем в США, а

* **Ильин Михаил Васильевич**, доктор политических наук, профессор, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, ИНИОН РАН; ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; профессор, МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

¹ Плановая тема НИР «Актуальные тенденции развития науки в условиях социальных и информационно-технологических изменений» в ИНИОН РАН (AAAA-A19-119032090080-3)

также в Первой Французской империи. Затрагиваются и другие ориентированные на римское наследие имперские проекты. Обсуждается опыт европейской интеграции и использование ЕС республиканских и имперских аспектов римского комплекса, использование институциональных образцов Христианской республики и Каролингской империи. Особое внимание уделяется имперской составляющей отечественной политической традиции. Показано, что во всех рассматриваемых случаях имперская компонента сочетается с иными порядками – от патримониальных и монархических до современных (корпоративных, консорциативных, федеративных и т.п.). Использование римского наследия осуществляется в виде прямого воспроизводства, опосредованной реставрации, частичного копирования, имитации и даже симуляции.

Ключевые слова: translation imperii; трансформация; политическая форма империй; империя; имперско-республиканский комплекс Рима; Большое Средиземноморье; теократия; хризалида.

Для цитирования: Ильин М.В. Translatio imperii. Воспроизводство институционального наследия Рима // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 100–137. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.04>

Мы привычно говорим об империях и о постимперском транзите как об универсальных явлениях, однако само слово *империя* и его производные связаны с предельно конкретным и уникальным опытом Римской империи. Беспрецедентный пример ее успеха, эпохального подъема и падения задает настолько яркий образец, что латинское слово *imperium* (множественное число *imperia*) с набором крайне специфичных значений и смыслов, характерных именно для практик древних римлян, послужило источником и вдохновением не только для образования новых слов в разнообразных языках большого числа народов в Европе и за ее пределами, но и для заимствования, преобразования и использования институциональных и идейных решений классического Рима. Этот обзор начинается с обращения к имперской номенклатуре – основному инструменту институциональных и идейных преобразований. Затем рассматриваются наиболее показательные случаи трансфера и трансляции имперского наследия. Выбираются примеры, которые значимы для политической науки. Соответствующий опыт сравнительная политология, например, использует как аналог эксперимента. Тем самым предлагаемый обзор служит своего рода эмпирическим фоном и может использоваться как отправной момент изучения самых различных вариантов политического развития на постимперских пространствах.

Латинские истоки имперской номенклатуры

Мы привыкли именовать многие могущественные политии империями, начиная с Древнего Рима. Термин *империя* столь прочно вошел в язык политики и политической науки, что кажется и вполне ясным, и весьма древним. Однако на деле понятие империи как особого типа политической организации является относительно недавним. Оно окончательно консолидируется лишь с формированием параллельного понятия государства-состояния (*stato, l'état, state, Staat* etc.) в XIV–XVII вв. [Skinner, 1989]. Впрочем, различие старого римского понятия верховного господства (*imperium*) и строя Священной Римской империи (*Sacrum Imperium Romanum*) становилось довольно отчетливым уже с середины XI столетия, а с добавлением в 1512 г. уточнения «германской нации» (*Nationis Germanicae*) и вовсе стало очевидным.

В составе имперской номенклатуры – имеющие разное лексическое выражение на латыни понятия «всемирное господство» (*pax, imperium, principatus, dominatus* etc.), «высшая инстанция, носитель и источник этого господства» (*augustus, imperator, princeps, dominus et rex* etc.)¹. В нее входит и такое слово, как *auctoritas* – авторитетность, авторитет, средоточие и источник власти.

При всем том ключевым словом был империй (*imperium*). Именно его использует Вергилий, когда спустившемуся в преисподнюю прародителю латинян Энею его отец Анхиз пророчествует о великом предназначении Рима (Энеида, кн. 6, строки 851–853):

*Tu regere imperio populos, Romane, memento:
hae tibi erunt artes, pacisque imponere morem,
parcere subiectis et debellare superbos.*

Вот неуклюжий, но зато почти дословный и точный перевод: «Ты будешь править народами с помощью империя. Помни, римлянин, тебе будут (даны) эти искусства, (ты) мир и нравы наложишь, приветитишь покорных и покараешь заносчивых». Тут ис-

¹ *Imperator* – тот, кто пускает *imperium* в ход. Образовано слиянием глагольной основы *imperat-* от супина *imperatum* (то, что надлежит вчинять) и форманта (суффикса с опущенным окончанием) *tor* от индоевропейского **-tor-s*, где *tor-* суффикс мужского рода агентивного отглагольного существительного (тот мужчина, который нечто делает, в нашем случае – кто вчиняет волю и властный приказ).

пользован точный юридический термин римского права. Империй – это чрезвычайные, практически неограниченные полномочия, предоставляемые консулу во время войны. Обладатель таких полномочий именовался императором. Буквальный смысл слова «империй» – «вчинение». Такова его внутренняя форма. Она проявляется при обращении к глаголу *impero, imperare* (заставлять, требовать, командовать, править), который образован приставкой *in* (в) и исходным глаголом *paro, parare* (подготавливать, учинять, чинить). Затем добавилось еще одно важное, еще более существенное значение: авторитет властвования и те условия, обычаи и установления, которые обеспечивали эффективное вчинение полномочий соответствующих властителей. Наконец, уже во времена вполне сложившейся и подкрепленной изощренной институциональной структурой поздней республики *imperium* стал обозначать не просто локус властвования, а самый высокий и, главное, чрезвычайный авторитет, распространяющий своё воздействие без оглядки на институциональные ограничения. Тем самым этот авторитет стал сверхреспубликанским, способным перерасти в нереспубликанский и далее в имперский.

Получается очень красивая конструкция иерархических уровней власти и властвования. Она высвечивается, если развернуть и дополнить знаменитую формулу Цицерона «*potestas in populo, auctoritas in senatu*» словами «*imperium in imperator*». Получится при точном переводе примерно так: «Власть зиждется в народе, авторитет – в сенате, властвование – в императоре». Разумеется, все это при республиканском еще понимании императора как одного из консулов, который на время военной кампании получает империй.

На этом история имперской концептуализации и институционализации только начинается. Здесь неуместно ее излагать даже со скупой фокусировкой общего абриса имперского порядка и его оправдания на отдельных модификациях: на раннем августовском варианте принципата, на его траянской и аврелианской версиях, на кризисном периоде «солдатских императоров», на доминате в версии Диоклегиана, а затем и теократической трансформации империи Константином Великим, и на уже новом типе политической организации – теократии. Достаточно будет проследить, по необходимости бегло и в основных чертах, как та или иная версия классического порядка Римской империи используется или транслируется для обогащения собственного политического строя со-

вершено разными политиями традиционных и современных типов, вплоть до нынешних.

Современное усвоение имперской номенклатуры

Современная политическая номенклатура – *империя, имперский, империализм, имперство, постимперские трансформации* и т.п. – использует память о древнеримских воззрениях на императоров и их империи¹, а также соответствующие когнитивные схемы и лексический материал для более широкой концептуализации различных типов политической организации – от ранних, примерно пятитысячелетней давности, до сравнительно недавних, возникающих уже в современные времена.

Это, во-первых, представления о крупных открытых системах господства, ориентированных на цивилизацию окружающего варварского пространства малых закрытых племенных или полузакрытых (приоткрытых) систем типа вожеств, деспотий или полисов. Поскольку такие открытые образования были уникальны, то обозначались либо именами собственными, либо предельными обобщающими образами типа «земля», «четыре, шесть, все стороны света», «поднебесное пространство» и т.п. В современной науке такие образования трактуются как империи. С Древним Римом их сближает создание целого глобального по претензиям мира – *Pax Romana*.

Во-вторых, концептуализировались результаты взаимодействия первичных открытых систем, их трансформаций и / или смены – уже не как единичный и уникальный феномен, а отдельный тип политических образований. Тут уже используются собственные имена столиц (Вавилон, Ашур, Рим, Карфаген и т.п.) или названия, связанные с функциональностью управления, господства, первенства и т.п. Нередко они по происхождению – самоназвания варварских соперников первых империй-цивилизаций. Древний Рим вполне вписывается в данный тип. Он возник на пограничье, лимесе поглощенной им затем этрусской цивилизации (так и переросшее в империю двенадцатиградие) и стал объединителем всего

¹ Точный латинский термин *imperium*, или *империй* исходно означает особое полномочия по чрезвычайному использованию властных ресурсов властителем, обычно во время войны.

средиземноморского пространства в ходе соперничества с иными средиземноморскими империями-цивилизациями: с Карфагеном, с Сиракузами и другими городами Великой Греции, с Эпиром, Египтом, Македонией и другими царствами диадохов или их преемников.

В-третьих, имперская номенклатура использовалась и для описания западноевропейских и иных позднейших политических образований, включая теократии.

В-четвертых, в качестве империй рассматривались заморские колониальные системы, возникшие уже в процессе модернизации.

В-пятых, империями назывались некоторые крупные государственные образования в рамках современных межгосударственных систем, начиная уже с Вестфалия. Это в полной мере относилось к новой категории великих держав.

Наконец, в-шестых, имперская номенклатура вполне последовательно применялась для разработки сначала нормативных теоретических представлений об особом классе крупных политических образований всех времен и народов, а затем и для сравнительных и эмпирических исследований политических форм¹.

Во многих случаях использовалась звуковая оболочка латинского слова и его различные значения. За счет усвоения этих значений новые народы создавали слова-омонимы² или сходные по звучанию, но все же различные слова, как в английском языке три слова *empire* и еще два *imperium*.

Первое слово *empire* связано с темой статьи и всего выпуска журнала – «политическое образование особого типа или хотя бы обладающее его отдельными свойствами». Другое означает «союз государств или зона политического господства в мире», например, *Soviet empire*. Наконец, еще одно включает широчайший спектр переносных значений и их оттенков, связанных с самыми разными

¹ Подробнее см. дискуссию в журнале «Полития» [Каспэ, 2012; 2015; 2016; Ильин, 2014; 2015].

² Примером таких разных, омонимичных слов является русская *коса*. Одно слово служит обозначением результата особого сплетения волос, другое – намытой песчаной отдели, сдвинутого, «счесанного» водой песка, третье – инструмента для покоса, «счесывания» травы. Все они восходят к единому индоевропейскому этимону **kes-* (чередование **kes-* /**tæs-*, **kes-* /**чес-*) со смыслом «чесать, двигать нечто податливое, обычно волосы, грести, сгребать» [ЭССЯ, 1984, с. 131–135].

проявлениями влияния и мощи уже, как правило, не в политике, а в самых разных областях. Например, ботанический сад Кью в Лондоне порой называют *empire of flowers*, *империя* цветов. Одновременно носители английского языка – прежде всего наши коллеги, а также юристы, историки и некоторые иные профессионалы – используют два слова *imperium*. Одно – в близком к латинскому значении «господство вообще и его основания», а другое для обозначения верховенства власти или даже суверенитета в его простейшем раннемодерном смысле «неделимой» вещной принадлежности. Нередко это делается, чтобы отличать эту принадлежащую одной инстанции «вещность» от куда более сложных и современных форм и способов распределения власти, лежащих в основе государственных и межгосударственных систем [Ильин, 1995].

Иные народы используют свой языковой материал, чтобы обозначить различные стороны усваиваемого и воспроизводимого ими римского наследия. Часто это те народы, которые уже имеют некий сходный опыт организации открытых политических систем. Это, например, народы германской или индийской языковой групп, использующие общий индоевропейский корень **h₂reg-* («распрявление, прямизна, правильность»). От этого корня произошли слова *Reich*, *raj* и даже слово *Hardariki* (властительство городов), которое варяги использовали для наименования Древней Руси. От этого же корня произошли латинские слова *rex* (властитель) и *regnum* (владение), а значит и русское *регион*. Так что коллеги-регионалисты также, оказывается, каким-то непрямым образом сопряжены с имперским наследием.

В каждом языке – свое уникальное сочетание способов представления имперского наследия и его сторон: транслитерация, перевод или их комбинирование, создание омонимов и синонимов. Это, однако, предмет занятий и забот лингвистов. В этой же статье при всем полезном учете языковых данных центр внимания составляет политическая прагматика и ее отражение в институциональном строительстве и политической культуре.

Translatio inperii

Идею передачи имперского могущества и даже скорее предрасположенности к господству, права править, если не бояться тавтологичности этого словосочетания, прекрасно выражает ла-

тинская формула *translatio imperii*, хотя сама идея была еще раньше осмыслена на Ближнем Востоке и отражена в Книге пророка Даниила (Глава 2, стихи 31–45). Там речь идет о последовательном разрушении и замене друг другом четырех царств: золотого, серебряного, медного и железного. В эллинистической традиции по большей части золотая голова отождествляется с Вавилоном, серебряные плечи и руки – с Мидией, медные чресла и бедра – с Персией, а железные голени – с Македонской империей. В традиционной христианской интерпретации намечена следующая последовательность передачи гегемонии: Вавилон, объединение владычеств мидян и персов в одном царстве, Македонская империя и Рим. Библейская схема передачи империя, или всемирного господства между четырьмя державами была усвоена и стала образцом для последующих построений.

Данный вариант в профетической логике пророчеств Даниила условно можно назвать утопическим. Тут череда царств только начата и развернута в будущее. Это довольно редкий вариант в силу того, что сама логика трансляции империя быстро перерождается в череду метаморфоз, построенных на иных основаниях и принципах, вплоть до квазинаучных и научных, например, марксистская типология смены формаций или «Третья волна» Тоффлера и подобные сочинения.

Другой вариант, напротив, завершается наличным царством как венцом долгого развития. Достигнут предел совершенства, а с ним и конец истории. Это своего рода эсхатологическая модель. Ее очень важной для нас версией является завершение череды империй теократией Константина, а также новая, обычно трехчастная череда христианских теократий (Три Рима).

Возможны комбинирование и попытка использования разных точек зрения и меняющихся рамок рассмотрения. Одним из примеров подобного комбинирования стала концепция пятой монархии, выдвинутая представителями одной из радикальных сект и фактически политических факций времен гражданской войны в Англии. Оно и известно под названием «люди пятой монархии» (The Fifth Monarchy Men). Грядущей пятой монархией Христа они считали революционную Англию.

Куда более прагматической была концепция одного из ярчайших португальских и бразильских интеллектуалов XVII столетия иезуита Антонио Виейры. Он поставил в ряд великих держав

пятой по порядку португальскую колониальную империю. В той же логике новой всемирной империей объявил колониальную Америку выдающийся философ Джордж Беркли:

Westward the course of empire takes its way;
The four first acts already past,
A fifth shall close the drama with the day;
Time's noblest offspring is the last.

*На Запад империя ход свой вершит,
Отыграны первые акта четыре,
Акт пятый достойно сюжет завершит
Времени лучшим творением в мире.*

Для данной статьи важны примеры последовательных превращений Рима и передачи его империя, в какие бы схемы и традиции их ни вписывали. Обычно выделяются три Рима: первый – Августа, второй – Константина и третий – воспринимающей политики. Однако данная схема упускает все те трансформации, которые происходили до эпохи принципата и воцарения Октавиана. Фактически с момента основания города и до глубокого кризиса всего средиземноморского цивилизационного порядка в эпоху Великого переселения народов Рим претерпевает целую череду превращений, акцентированных менее глубокими внутренними кризисами. Они выливаются в политические конфликты и потрясения, а порой даже в гражданские войны. Каждая новая трансформация была прямой и непосредственной метаморфозой римских политических порядков в его непрерывной истории. Эта непрерывность сохранилась даже при трансформации имперской формы домината в теократическую при Константине.

Затем наступил глубокий кризис. Он стал относительно коротким и мягким на Востоке, а на Западе растянулся вплоть до VIII столетия и порой приобретал катастрофические черты. Кризис стал развилкой направлений развития и отмечен появлением двух альтернативных теократий – византийской и западноевропейской.

На всех этапах до глубокого кризиса, и во многом даже после него, – на Востоке в большей мере, на Западе в меньшей – происходило условно непрерывное наследование за счет непосредственного использования естественно встроенной институциональной памяти. А вот дальше римское наследие уже усваива-

лось опосредованно и часто выборочно за счет внешнего экспорта, вполне инструментального переноса образцов и моделей тех или иных версий непосредственного развития в совершенно новые условия и их приживления к самостоятельным, порой качественно совершенно иным политиям-подвоям. Среди них были имеющие относительно близкую, отдаленную или совсем условную генеалогическую связь с Римом западноевропейские нации-государства, их заокеанские клоны или государства со вполне самостоятельной генеалогией, как наша Россия. Однако теперь уже трансляция империя осуществлялась с помощью передачи воображаемого и реконструируемого империя сквозь разрывы в пространстве-времени.

Этим и последующим передачам империя посвящены следующие краткие очерки. Однако их целесообразно предварить пояснениями о целостном имперско-республиканском комплексе римского цивилизационного наследия и о способах его прямого наследования или опосредованной передачи в пространстве-времени.

Римский имперско-республиканский комплекс

Основное ядро римского цивилизационно-культурного наследия включает (1) идею имперского распространения цивилизационных порядков *Pax Romana*, (2) республиканский идеал баланса разных порядков, прежде всего трех форматов властвования: централизованный (монархический), ограниченного доступа (аристократический) и открытого доступа (популистско-демократический), (3) собственно империй как универсальную институционализацию исходно чрезвычайного образа действия высшей власти.

В основе первого, собственно имперского компонента лежат принципы открытой или способной открываться политической системы с функциональным императивом цивилизации окружающей среды, как условно нецивилизованной, так и имеющей иной, чуждый системе цивилизационный характер. Целью считается создание зоны умиротворения по образцу *Pax Romana*, единой системы права в основе римского и общего гражданства.

Культурно-цивилизационные основания римской имперскости связаны с мифом о всемирном предназначении Рима как умиротворителя, действующего на интерфейсе двух сфер, подлинного

порядка мира и его противоположности, сферы войны и принуждения, что отражено, например, в уже процитированной формуле римского предназначения. Показательны и само основание Рима на пограничье цивилизованного двенадцатиградия этрусков и варварской стихии италиков, и его первоначальная роль вооруженного агента-завоевателя, продвигающего цивилизацию на юг вдоль Тирренского (Этрусского) моря.

Основы другого, собственно республиканского компонента общего комплекса укоренены в древней латинской *cīvitās*: сообществе близких друзей-сотоварищей или даже содружинников (*cīvēs*). О необычности этих слов и их исходных смыслах прекрасно писал Эмиль Бенвенист: «Civis – оригинальный термин латинской лексики; <...> в значении гражданина вообще не имеет соответствий в других языках. Тем не менее с ним сопоставляют некоторые термины в санскрите и германских языках. <...> В значении этих слов отражается эмоциональный аспект межгрупповых отношений <...> что предполагает наличие определенного типа дружеских отношений по отношению к партнерам по союзу» [Бенвенист, 1995, с. 220–221 и далее]. Это вполне понятно, ведь в соответствии с мифом об основании города Рим был создан сообществом вольных друзей, связанных взаимной любовью и боевым товариществом сильнее, чем кровными узами или соседством [Ильин, 1997, с. 162].

Отправной момент республиканского комплекса Рима – полис, точнее, метрополис (*μητρόπολις* – материнский город), а в передаваемых версиях еще и метрополия. Это смысловое ядро обладает явной республиканской функциональностью с подчеркнутым нерасторжимым балансом трех состояний (консульско-монархического, сенатско-аристократического, консоциативно-демократического).

Эта чрезвычайная и безграничная власть ограничивается и регулируется республикой, системой соединения, или «смешения» всех трех типов владычества – монархической, или консульской, аристократической, или сенатской и народной – ставшими, по мнению Полибия, основой величия Рима [Полибий, 1995].

В роли сначала агента-завоевателя, а потом строителя открытой имперской системы Большого Средиземноморья Рим проявляет свою субъектность и волю. Ее выражением становится империй – общий, пронизывающий всю конструкцию и консолидирующий ее принцип вчинения порядка. Эта своего рода скрепа всего полити-

ческого и в значительной мере цивилизационного строя получает два взаимосвязанных способа выражения и упрочения: римское право в профанном измерении и церковь в сакральном. Инструментальная и собственно политическая связь права и религии Рима заключена в повседневном воспроизведении Завета в контактных практиках и права (*jus*) в круге единоверцев через *эκκλeσιa* (*ecclēsia* – и приход, и церковь в целом, исходно у греков – собрание, *ἐκκλησίᾱ*), консоциацию (*cōnsociātiō* – сообщество *sociī*, а значит, и *cīvēs*) и консилиум (тут слиты и собрание, *concilium*, и совещание, *cōnsilium*). Фактически в своей политической истории Рим трансформировал простейший принцип права на вчинение воли в крайне изоциренную и сложную концепцию совещательного согласования практик и стандартов такого вчинения. Увы, мы сегодня не ощущаем этого при произнесении слова *империя*. Пожалуй, и первый попавшийся лондонский прохожий при слове *empire* – тоже. Образованные европейцы, а тем более итальянцы или знатоки хотя бы начал латыни уже отдадут отчет в многозначности слова *imperium*. Ну а тем, кто берется профессионально заниматься политикой, а тем более политическими трансформациями и реформами, просто необходимо все это ясно усвоить.

Способы передачи римского империя и цивилизационного наследия

Как же может передаваться и фактически передается империй и цивилизационное наследие Рима? Тут необходимо сделать методологическое отступление и обратиться к обобщающей категории трансфера, которая составляет ядро большого концептного семейства, включающего понятия метафоры и метафоризации, перевода, интерпретации, преобразования и т.п.

Все связанные с этими понятиями явления динамичны и осуществляются в пространстве-времени. Его, в свою очередь, мы привычно рассматриваем в двух ракурсах – темпоральном и пространственном. Мы склонны разделять и даже противопоставлять развернутое во времени наследование и передачу чего-либо, приуроченную к конкретному месту и обстоятельствам. В первом случае кажется позволительным пренебречь пространственными ограничениями, а во втором – временными, хотя они, безусловно,

остаются крайне значимыми, и пренебрежение ими в науке чревато серьезными утратами и искажениями получаемых результатов. Однако порой это не только допустимо, но и крайне полезно. Искажающая действительность и научную точность картинка, которая при этом высвечивает то, что вы ищете или исследуете, обычно куда полезнее и важнее, чем расплывчатое, формально более верное и полное представление.

Прямое наследование и опосредованная передача в пространстве-времени

В науке, интеллектуальном фольклоре и даже в обывательских представлениях сформировалось крайне упрощенное и схематичное представление о социальном развитии и эволюции. Схема очень простая, наглядная и очевидная. Одно существо порождает другое, занимающее его место. Одна полития сменяет другую, занимая ее место. Происходит смена состояний по формуле: одно вместо другого. Тут сказался популярный пересказ дарвиновской логики происхождения (и смены) видов, а также упрощенные трактовки генетической детерминации.

Однако и сам Дарвин, и генетики бесспорно уточнили, что прежние состояния никуда не исчезают, а сохраняются внутри новых. Не вместо, а вместе. Это, на свой философский лад, Гегель трактовал как снятие (*Aufheben*), т.е. преодоление за счет сохранения в превращенном виде.

Нечто подобное происходит и с трансформациями. Одно дело разглядеть, что сохранялось или утрачивалось в ходе времени в одном объекте или череде копий-потомков, а совсем другое – вырвать из потока времени два объекта и выявить их сходства и различия, появившиеся или исчезнувшие в результате контакта в условно общем пространстве. В некоторых случаях важнее одно, в других – иное. Вот так и биологи, изучающие развитие видов и популяций, различают так называемые вертикальный и горизонтальный перенос. Первый – почти исключительно генетический, второй – преимущественно эпигенетический, связанный с иными типами кодирования и влияниями среды, например эпигенетических ландшафтов.

На деле это существует не только в биологии, но и в других науках, где два таких типа переноса успешно изучаются, хотя и называются иначе. Например, лингвисты, антропологи и прочие компаративисты даже опередили отчасти биологов. Ситуация с использованием вертикального и горизонтального переноса в науке очень пестрая [Корнев, 2021]. Во всяком случае, после называемого современного синтеза (modern synthesis) эволюционного учения с генетикой и последовавшего потом эпигенетического поворота биологи работают с этими двумя типами переносов более четко.

Для нашей темы данное различие существенно. Целый ряд трансформаций происходит «естественно», на протяжении длительных времен, а иные осуществляются практически одномоментно, нередко в результате проявления политической воли. Конечно, в политической науке найдено немало блестящих решений для изучения подобных явлений. Можно вспомнить и воронку причинности, и тропу зависимости с критическими развилками. Однако изучение разных типов переносов в политике остается совершенно неосвоенным, хотя и крайне важным для нашей дисциплины вызовом. Тут открывается много направлений для работы. Это – память и забвение в политике, разумеется, при достаточной методологической четкости, а не нынешней контрпродуктивной всеядности так называемых «исследований памяти» (memory studies). Это специализированный и выборочный трансфер отдельных моментов наследия. Это вторичные и многократные трансферы.

Трансформации цивилизационного комплекса Рима в ходе прямого наследования

На протяжении своей истории Рим сначала довольно быстро формирует свой социальный и политический генотип, а затем его передает вполне естественным образом прямого наследования: после каждого кризиса развития происходит восстановление и обновление исходного симбиоза полиса и империи.

Первоначальный Рим. Истоки традиции прослеживаются на протяжении более двух с половиной тысячелетий и локализуются на южном лимесе союза двенадцати этрусских городов, или так называемой Додекаполи. Исходно это было, видимо, военное или милитаризованное поселение варварского по отношению к цивили-

лизованным этрускам италийского населения Лация. Отсюда и самоназвание латинцы (*Latini*).

Первоначально Рим служил целям этрусской экспансии на юг в сторону Кампании. Его политическую структуру образовывали три взаимосвязанных власти – царская этрусского рода Тарквиниев, общегородского собрания старейшин или сената (*senatus* от *senex* – старец), а также куриатных комиций (*comitia curiata*) или собраний представителей курий, сообществ мужей от *com-* (с, вместе) и *vir* (муж). Причем уже в начальный царский период налицо разделение и даже скорее соединение разных по типу и происхождению властей. Царская власть отражала верховный контроль этрусков, и даже конкретнее – города Тархна. Сенатская власть – поддержание традиций и обычаев, включая прежде всего те, которые стали источниками римского права. Наконец, власть куриатных комиций была прямо связана с непосредственным осуществлением вооруженными мужчинами властных решений и санкций. Однако самое важное, что уже на этом этапе именно комиции наделяли империей командующего римским войском, который получал полномочия не только вести войну, но принимать и осуществлять политическую экспансию.

Довольно скоро внешняя экспансия этрусков была присвоена и продолжена Римом, а затем и развернута на север в сторону Этрурии и дальше. Произошло закономерное образование центра новой открытой, имперской по типу системы на лimesе прежней. Столь же закономерной стала трансформация трех властей в классическую полибиевскую схему монархической власти консулов, аристократической – сената и демократической – народа (ср. также *SQPR – Senātus Populusque Rōmānus*).

Республика во главе полисной федерации. Первоначальный Рим переоткрывает сначала этрусское, а потом свое собственное наследие – и порубежного полиса, и создателя полисной федерации. Он интегрирует все эти составляющие, придавая им отчетливые имперские черты. Фактически тем самым программируется последующее использование имперско-республиканского комплекса, во многих случаях переноса империя для переоткрытия и присвоения роли Рима в новых исторических условиях.

Процесс формирования имперских порядков успешно шел еще в рамках республики, в силу ряда причин. Прежде всего сама Римская республика как чисто полисная конструкция, обладающая

лишь ограниченными возможностями открывания и экспансии, да еще и отягощенная архаическими чертами дружинного сообщества, дополняется новым внешним устройством – союзом федератов, иных аналогичных полисных систем. Поскольку Рим был лимесным спутником этрусского Двенадцатиградия, то уже был знаком на практике со способами построения союзов. Однако для выстраивания своего союза Рим трансформировал симметричную модель федерирования в асимметричную. Одним из ключевых институтов, фактически решающим, был империй. Именно он устанавливал связи с федератами, а контроль и администрирование уже осуществлялись консулами, включая республиканских императоров, совместно с сенатом. Этот же инструмент позволял интегрировать симметричную федерацию этрусков в более обширную и асимметричную систему римского союзничества. Так что переход был достаточно плавным.

Рим в споре империй и цивилизаций Средиземноморья. Гораздо более проблемным было наращивание нового уровня политической организации – открытой имперско-цивилизационной общности с заменой союзничества четкой иерархией. Тут возникал очевидный конфликт размеров и масштабов между малой исходной системой и новым порядком.

Первый шаг был вполне посилен. Достаточно было превратиться из инструментального агента этрусской экспансии в самостоятельного актора и тем самым – субъекта собственного развития и создателя новых внешних порядков. За первым последовал второй. В 509 г. до н.э. римляне свергли этрусского царя Тарквиния Гордого и учредили республику, оставив фактически все прежние институты и обычаи за вычетом того, что внешняя царская власть – единоличная и наследственная – была заменена собственной выборной властью двух консулов. Теперь Рим оказался не клиентом Додекаполии, а самостоятельным игроком. Уже в 499–493 гг. до н.э. он одержал победу над Арицийской федерацией латинских городов, а затем, после кризиса, вызванного нашествием галлов, вновь начал экспансию. Шаг за шагом от одной войны к другой, от одного союза к другому Рим укреплял свое господство и расширял союзническую сеть. Уже в III в. объединивший всю Центральную Италию Рим приступил к покорению Южной Италии. Города Великой Греции не смогли противостоять этому натиску. Даже помощь одного из диадохов – пожалуй, талантливейшего полководца

среди них всех Пирра – не помогла. После ряда пирровых побед властитель Эпира вынужден был уступить. Теперь Рим вступил в прямой контакт и конфликт с наследниками разделенной империи Александра Македонского, а также Карфагена – «нового города» и нового властного центра всей финикийской экспансии.

Гегемония в Большом Средиземноморье и системный кризис. После трех Пунических войн Рим установил контроль над Центральным и Западным Средиземноморьем уже к исходу III в. до н.э. Затем он обратил свой натиск на Восток и после серии завоеваний к середине II в. установил контроль над всеми основными территориями и имперскими центрами Средиземноморья. К середине I в. до н.э. Рим превратился в мировую державу. Теперь весь бассейн Средиземного моря за вычетом Египта и ряда мелких территорий был под его контролем, а само Средиземное море фактически стало внутренним римским морем. Римляне просто называли его нашим – *Mare Nostrum*.

И тут последовал системный кризис. Он охватил целое столетие гражданских войн (133–31 гг. до н.э.). Центральным событием стала так называемая Союзническая война (*Bellum Sociale*) в 91–88 гг. до н.э. Предметом ее явилось римское гражданство. Его выборочно, в разной степени и неравномерно предоставляли итальяским союзникам. Требование полного предоставления римского гражданства было отвергнуто сенатом, что и стало причиной войны. Римляне вынуждены были пойти на компромисс. Права получили далеко не все италийки – в основном лояльные Риму северяне. Однако их приписали лишь к восьми трибам из 35. Одновременно все италийские общины становились римскими муниципиями, а Рим превратился в первый среди равных (*primus inter pares*). Самое главное, что в ходе этой войны, серии других гражданских войн, да и всего кризиса именно империй служил главным инструментальным средством выстраивания коалиций и попыток прорыва, вплоть до победного прорыва Юлия Цезаря. Именно империй и стал тем ведущим институтом, вокруг и за счет которого была выстроена иерархия *Pax Romana*.

В условиях острейшей борьбы участвовавшие в ней стороны акцентировали, а то и противопоставляли разные составляющие единого цивилизационного комплекса. Именно тогда возникает противопоставление республики и империи как двух контрастных начал. Этому противопоставлению суждено получить мощное раз-

витие уже в современную эпоху с различением двух контрастных политических порядков – республиканских и монархических. В Риме, однако, удалось сохранить целостность комплекса за счет целого ряда компромиссных решений, включая формализацию чрезвычайных полномочий на давно уже ставший далеко не чрезвычайным империй. Важную роль сыграло дублирование соответствующих прав за счет иных формальных институтов, в первую очередь трибунской власти (*tribunicia potestas*). Впервые право действовать в качестве народного трибуна в дополнение к полномочиям императора получил от сената в 48 г. до н.э. Цезарь, хотя он был патрицием, а не плебеем. Тем самым сенат как будто бы утвердил свою совместную с народом власть, или SQPR – *Senātus Populusque Rōmānus*, которая стала мыслиться как нерасторжимая. Впоследствии, уже в 23 г. до н.э., сенат точно так же наделил трибунскими полномочиями Октавиана Августа. Далее все преемники императора эпохи принципата – Агриппа, Друз Младший, Тиберий, Тит, Траян и Марк Аврелий – точно таким же образом получали трибунскую власть и право на империи. Но это происходит уже на новом этапе развития в рамках принципата.

Принципат. Империализация политического генотипа Рима продолжалась на протяжении всего принципата. Накопление в результате экспансии, административного усложнения иерархических структур все большей мощи, а главное – концентрация в руках императора все возрастающей власти, вызвали серьезные структурные напряжения. Империй находится под личным контролем императора. Его господствующая позиция подкреплена не только трибунской властью, но и особым положением принцепса, или первого среди равных (*primus inter pares*). Однако это первенство безусловно и постоянно. Отсюда и название данного режима личной власти и всего периода римской истории.

Зыбкость источников легитимации императорской власти привела к кризису III в. Только между 235 и 268 гг. было провозглашено 29 императоров, а в 238 г. их было шестеро. Все претенденты погибли насильственной смертью, кроме Гостилиана, скончавшегося от чумы. Основные причины заключались в том, что собственно императорская власть становилась все более критически важной, однако ее легитимация и институциональное регулирование – прежде всего принципы и процедуры обретения власти – оставались непроясненными ни политически, ни юридически.

Доминат. Эти напряжения были разрешены Диоклетианом. Он создал в 293 г. тетрархию, систему соправления двух августов и наследующих им цезарей в четырех частях империи. Предполагалось, что каждый из августов будет отречься после 20 лет правления, власть будет переходить к цезарю, а того сменит новый властитель. Диоклетиан и сам через 20 лет после прихода к власти добровольно сложил с себя полномочия августа в 305 г. Фактически создавалась новая модель политико-цивилизационного наследия Рима. Однако она просуществовала недолго, всего два десятилетия. Система была слишком изоциренной и требовала очень четкого соблюдения правил передачи верховной власти между августами и цезарями, а также воспроизводства всех основных институтов империи. Тетрархией могли править только люди масштаба самого Диоклетиана, который не держался за власть, а, завершив свой труд, покинул императорский престол Восточного августа и удалился на покой в родную Далмацию, как говорят, «чтобы выращивать капусту». Он дожил до 311 г. и не увидел ни краха тетрархии в 313 г., ни последующего учреждения теократии Константином, единоличным императором с 324 по 337 г.

Теократия. Константин принял христианскую символику и стал использовать церковь сразу после своей победы у Мульвийского моста через Тибр в 312 г., однако на деле стремился к веротерпимости. В 313 г. принял еще с Лицинием Миланский эдикт. Только перед смертью он крестился и издал эдикт, так, к счастью, и невыполненный, – о разрушении языческих храмов. Однако фактически Константин сделал церковь своим инструментом и де-факто возглавил ее гораздо раньше. На созванном им в 325 г. Никейском соборе уже якобы уверовавший, но еще некрещенный Константин заявил епископам: «Вы – внутренние епископы, я же – внешний» (τῶν εἰσω τῆς Ἐκκλησίας καὶ τῶν ἐκτός).

Константин поэтапно ликвидирует тетрархию и осуществляет концентрацию императорской власти в своих руках. Однако одновременно он подкрепляет трудноуправляемую мирскую иерархию еще и сакральной, которая тоже под его контролем. Это было важным дополнением модели политико-цивилизационного наследия Рима, сделавшим ее теократической.

Кризис теократии. Порядки Константинова образца просуществовали всего полтора столетия. Исторические справочники смело называют 475 или 480 г. как точный момент «падения» Рим-

ской империи. Однако первая дата – это лишь эпизод лишения малолетнего Ромула Августула императорской порфиры, который совершил вождь наемников Одоакр, якобы выполнявший приказ свергнутого императора Юлия Непота. Одоакр вскоре стал фактическим правителем Италии, но при этом познал верховенство восточного императора Зенона, который присвоил ему титул патриция. В документах же эпохи он нередко именовался рексом, однако никаких формальных или фактических претензий Одоакра на имперское верховенство не зафиксировано.

Вторая дата – смерть уже фактически безвластного Юлия Непота. Между ними множество эпизодов борьбы за власть, которая осталась вполне рутинной и не была сопряжена с отчетливыми переменами политического строя.

Как бы то ни было, римская теократия в ее двух версиях (с воцарения двух представителей династии Валентинианов – Гонория на Западе и Аркадия на Востоке в конце IV столетия) продолжила свое существование в череде самовозрождающихся фениксов или в виде подражаний и имитаций, и все это – в условиях продолжающегося кризиса. Только в середине VI столетия на Востоке происходит качественная трансформация, консолидируется новый тип теократии и обновляются порядки почти во всех сферах жизни. На Западе теократия гораздо медленнее выходила из кризиса. Там формируется феодализованная теократия, или хризалида, но уже значительно позже – только к VIII в.

О передаче римского наследия в этих новых и сильно отличных от Константиновых формах речь пойдет в отдельных очерках. Пока же отмечу, что дальнейшая трансляция империя и усвоение римских образцов властвования продолжается, как уже отмечалось, путем опосредованной передачи в пространстве-времени.

В конечном счете накопленные Римом достижения стали образцом для многих политий Европы и мира. Его опыт во многих случаях рассматривался как своего рода подготовительный эксперимент для государственного строительства в иных исторических, эволюционных, геополитических и эколого-климатических условиях при использовании самых различных культурно-цивилизационных традиций и хозяйственных укладов.

Использование римского наследия проходило в разных режимах и формах, от прямого и часто поверхностного переноса от-

дельных ярких форм до кропотливого переосмысления опыта и критического усвоения алгоритмов ключевых решений.

Пока же обратимся к двум весьма специфическим случаям, когда трансфер происходил при непосредственном сохранении римской традиции и идентичности. Фактически тысячелетний (с VIII в. до н.э. по V в.) Рим продолжил существовать в виде двух альтернативных тысячелетних же политий. Одну мы называем Византийской империей, хотя сами ее подданные и властители именовали ее Царством ромеев (*Βασιλεία Ῥωμαϊκός*), т.е. римлян. Другую со временем назвали *Res Publica Christiana*. В одном случае имперская полития была упрощена до царства, а ее грекоязычные в основном жители считали себя римлянами. В другом на первый план вышел республиканский компонент и была подчеркнута христианская идентичность.

Византийский трансфер теократии

Наметившееся в конце IV столетия разделение Римской теократии на относительно самостоятельные Восток и Запад было зыбким. Только после готских войн 535–554 гг. оно в целом получило оформление, да и то весьма приблизительное – во всяком случае, на Западе. Так что в строгом смысле о византийском трансфере следовало бы говорить в связи с правлением Юстиниана. Этот блистательный политик стал последним императором теократического Рима исходной Константиновой формации. Одновременно он первый император и создатель уже вполне обновленной константинопольской теократии Восточного Средиземноморья, которую вполне уместно именовать Юстиниановой, хотя мы обычно зовем ее Византией. Фактически к середине VI столетия Юстиниан почти восстановил контроль над средиземноморским пространством Рима. Однако уже сто лет спустя весь римский Запад, за исключением анклавов в Италии, был утрачен. А еще сто лет спустя на Западе уже начала формироваться особая многосоставная Республика христиан (*Res Publica Christiana*), со своей идентичностью и со своими формулами и кодами римского наследия.

Подлинным трансфером, или радикальным обновлением империя стали реформы Юстиниана. Знаменитый Кодекс Юстиниана вкупе с Дигестами, Институциями и Новеллами не менее

двойственен, чем сам император, давший ему свое имя. Один лик этого Януса обращен к римскому прошлому и классическим основам римского права, а другой – новоевропейской традиции римского права и даже к современности.

Ранние кодексы Григория (*Codex Gregorianus*) и Гермогениана (*Codex Hermogenianus*) носят имена юристов-компиляторов и обобщают классическое, дохристианское римское право. Кодексы Феодосия (*Codex Theodosianus*) и Юстиниана (*Codex Iustiniani*) названы уже по именам императоров. Общий характер политического строя решительно сдвинулся к преобладанию автократии. Республиканские компоненты общего римского комплекса политико-цивилизационного наследия сдвинулись в неформальную сферу. Характерное проявление – партии ипподрома (голубые и зеленые, красные и белые). Как раз во времена Юстиниана их политическая активность получила наибольшее развитие.

В отечественной и мировой науке немало исследований целостного феномена Византии. Однако собственно политическая трансформация остается относительно менее исследованной по сравнению с коллизиями придворной борьбы и военных конфликтов, с церковной и социокультурной историей, с теологией и искусством, да и со многими иными сторонами жизни Византии. Еще менее исследован трансфер римского институционального наследия. Отчасти этот дефицит восполняет публикуемая в данном номере статья П.В. Кузенкова [Кузенков, 2022]. В ней автор показывает, как сложно и непросто Константиново наследие Рима сопрягается с не менее мощным наследием эллинизма, которое, в свою очередь, само было синтезом нескольких древнейших эволюционных традиций. Автор намечает важнейшие направления дальнейших исследований, чтобы адекватно понять дальнейший трансфер на Балканы, Кавказ, в Восточную Европу и Россию. В данной статье эту линию придется оставить и повернуться к римскому Западу.

Теократический трансфер Христианской республики

На Западе Римская империя не погибла в 70-х годах V в., как это нередко утверждают, а лишь вступила в череду кризисов, связанных с войнами и феодализацией, которые усилились в результате «засасывания» в пределы коллапсирующей империи варвар-

ских племен. Но она убереглась от радикального распада благодаря институциональной страховке, которую с большим основанием можно назвать Константиновым даром (*Donatio Constantini*), чем подложный акт дарования папе Сильвестру верховной власти во всей Вселенской церкви. Эта мощная скрепа заключалась в создании теократической вертикали. Даже почти полный распад горизонтальных мирских иерархий – а Запад был близок к нему в пору варварских миграций – не уничтожил теократический строй. Принцип Завета и поощряемые Церковью и каждым отдельным приходом практики его воспроизведения в заключении разного рода соглашений и контрактов позволили сохранить прежние мирские иерархии в виде контрактных отношений вассалитета и имунитета. Медленно и болезненно теократия переизобрела светские иерархии, а также сохранила церковную иерархию в виде единой структуры Римско-католической церкви. В результате образовалась оригинальная версия «самозамкнувшейся» теократии – хризалида, или «куколка», соединение феодализовавшихся профанных порядков с четкой сакральной иерархией католичества (подробнее см.: [Ильин, 1995, с. 24–29]).

Впрочем, особенная феодализованная теократия консолидировалась в Западной Европе не сразу. Ускоряющаяся эрозия имперских порядков с середины IV столетия, отступничество Юлиана, гражданские беспорядки и войны провоцировали эффект сжатия открытой системы. Он сопровождался вторжениями варваров и Великим переселением народов (*Völkerwanderung*). Происходило фактическое утверждение дружинных владычеств в пространствах империи. Порядки дробились и рушились, но формальное верховенство императоров сохранялось и на Востоке, и до 70-х годов V в. на Западе. После же пресечения непосредственного наследования верховной власти память о ней и фактически сохранявшееся признание «временно отсутствующего» верховного властного центра позволяли выживать раздробленным фрагментам порядка на самых разных уровнях. При этом общая инфраструктура церкви становилась все более важной скрепой. Постепенно сосуществование разномасштабных фрагментированных порядков, вкраплений дружинных господств, пронизанных церковной иерархией и увенчанной воображаемой вершиной власти, постепенно вело к консолидации очень необычной политической системы. Ее контуры определились к середине VIII столетия.

Первоначально сообщество христиан было децентрализовано. По легенде, святую веру после Христа разносили по миру его ученики¹, а в городах и весях возникали автономные еkkлeсии. Разумеется, статус и возможности различных поселений и их жителей был различным. В силу этого относительная важность глав соответствующих общин была различной, но главное, конфигурация сетевых отношений между ними все более уподоблялась имперской иерархии, а после утверждения Константиновой теократии стала вполне ожидаемой и усиливающейся.

Постепенно авторитет римских епископов рос, а с ним и сетевая центральность их кафедр. В 450 г. император Феодосий II в своем письме назвал римского епископа Льва III патриархом Запада, дав ему тем самым своего рода первенство во внешней, прямо не подконтрольной ему части христианского мира. Также при Льве название «папа» стало применяться исключительно по отношению к епископу Рима, а не к любому из них. Однако возвышению римских пап особенно способствовала зависимость от византийских императоров и их покровительство. Именно в этот двухвековой период с середины VI по середину VIII столетия римский папа стал главным партнером императора наряду с константинопольским патриархом. Однако патриарх был территориально приближен к имперскому двору и вовлечен в его интриги, а римский пастырь все меньше тяготился мирскими заботами имперского управления и все больше брал на себя роль католического (вселенского) символа христианского благочестия.

На протяжении второй половины VIII столетия папы под опекой франкских королей Пипина Короткого и Карла Великого приобретали все больший авторитет вкупе со значительной автономией. Достаточно сказать, что Лев III, коронованный в 800 г. Карла императорской короной, отказался включить в Символ веры тезис *Filioque*, принятый на Ахенском соборе в 809 г. В то же время Карл Великий в своем поздравлении с избранием Льва III папой в 795 г. ясно выразил принцип согласования духовных и мирских

¹ Помимо 12 апостолов Христос назначил еще 70 учеников проповедовать по миру (Лк. 10: 1–24). Среди них был и близкий к Петру апостол Клемент. Он стал четвертым епископом в Риме в самом конце I в. Клемент был сослан в Херсонес, принял мученическую смерть и был провозглашен святым. Он автор послания к Коринфянам и считается всеми христианскими церквями одним из Отцов Церкви.

властей: функция первых – молиться за королевство и за победу королевской армии, а вторых – защищать Церковь.

Рубеж VIII и IX вв. стал моментом восстановления христианской теократии на Западе. Карл консолидировал и возглавил светскую имперскую иерархию, а с его помощью Лев – сакральную. Оба по праву обрели свое место в истории и получили наименование «Великих». Воссозданная под их руководством теократия просуществовала четыре десятилетия, вплоть до смерти преемника Карла Людовика Благочестивого, а затем еще восемь с лишним десятилетий до гибели в 924 г. Беренгара, внука Карла Великого и последнего носителя титула *император (над) римлянами (христианами), правящий империем (imperator Romanum gubernans imperium)*. Впрочем, эти восемь десятилетий были периодом постепенной феодализации горизонтальной властной вертикали, превращением ее в договорную. При этом сакральная вертикаль оставалась незыблема в своих основаниях и всеобщем признании, хотя ее административная инфраструктура деформировалась и дробилась, а Курия и сами папы зачастую не соответствовали заданным стандартам.

Данная система получила название Христианская республика (*Res Publica Christiana*). Это было вполне логично. Раз императора с его империем нет, то остается республика, которая этот империй сохранила и управляется им на условно-договорных началах. Это прекрасно прояснил великий итальянский юрист Бартоло да Сассоферато, предложивший принцип *чистого империя (merum imperium)* как воображаемой общей идеи светской составляющей имперского порядка. Однако при этом чистый империй становился и вполне прагматически инструментальным средством организации власти, поскольку рассматривался как неподдающийся коррупции источник всех конкретных проявлений светской власти в *Res Publica Christiana*. Чистый империй напоминал о сакральной вертикали, и тем самым подкреплялся ее авторитетом. На подобной основе контрактные отношения между сюзеренами и вассалами строились за счет условного разделения чистого империя. Предполагалось, что каждый из участников этих отношений либо получал за счет вассального договора свою долю империя, либо ее передавал, либо она доставалась по остаточному принципу и обеспечивалась самоопределением того или иного авторитета. Для этого использовались практики трех типов: препоручения

(*commendatio*), или принятия добровольных обязательств по отношению к более могучему властителю, бенефиция (*beneficium*), или передачи власти сверху вниз в обмен на признание своего права господствовать, и, наконец, иммунитета (*immunitas*), или надления свободой от обязательств относительно высших и низших участников иерархии, а также самоопределения сообществ, «республик» разного рода.

Рим сакральный, Святой престол стал транслятором ключевой сакральной оси Константиновой теократии. Это позволило ему освободиться от бремени карающего насилия и стать носителем высших принципов и сакральных норм порядка. За счет этого Святой престол как представитель и одновременно транслятор всеблагого и вездесущего авторитета уже перестает быть центром в буквальном смысле и превращается в некое институциональное выражение целого. В отсутствие императора и условности договорной светской иерархии Рим католический наследует право на сохранение чистого империя и становится его сакральным носителем.

Сакральная, или идеократическая, консолидация Христианской республики морфологически выливается в форму хризалиды-куколки. Здесь, в пространстве некоего аналога заповедника развития за счет интенсивной проработки договорных практик, имитирующих сакральный завет между Вседержителем и избранным народом, Спасителем и христианами, формируются ордена и корпорации, сословия и территориальные политические общности. В перспективе на этой основе возникнут морфологические основания и предпосылки образования суверенных территориальных государств, гражданских обществ и наций как их общей рамки.

Обе составляющие имперско-республиканского комплекса интенсивно развивались и очень существенно обновлялись. Как уже отмечалось, империй получил развитие в виде фрактальной по своей конфигурации и структуре сети разномасштабных империев, обобщенной в чистый империй. Параллельно и в тесной связи с этой конструкцией выстаивалась аналогичная, но не идентичная фрактальная сеть сакральных и церковных империев.

Имперская составляющая претерпела существенную эволюцию. Императив строительства мира по-римски перерос в установку утверждения мира по-христиански, подкрепленную использованием и римского права, и практик цивилизации внешних

язычников за счет их христианизации. Впрочем, и насилие также применялось по отношению к непокорным (*superbos*), в виде крестовых походов и преследования еретиков.

Использовали имперские иерархии властители самого разного рода. На этом фоне выделяются три попытки восстановить полностью имперской структуры еще в рамках западноевропейской хризалиды. Довольно удачную совершил Карл Великий. Она, собственно, и позволила консолидировать хризалиду. Не столь удачную предприняли Оттон Великий и его преемники. Они создали Священную Римскую империю на восточном крыле хризалиды. Со всем неудачными стали попытки Плантагенетов заложить империю на западном крыле Христианской республики в ходе Столетней войны.

Республиканская составляющая получает интенсивное развитие в малых политических образованиях. Это и территориальные общины пояса городов и прочих периферий, и разного рода консоциации от монашеских и рыцарских орденов до ремесленных артелей и гильдий, от университетских сообществ ученых клириков до купеческих и банковских корпораций. Даже внутри церковных консилиумов и феодальных съездов республиканские практики согласования решений, голосований и выборов получили развитие и институциональное закрепление.

Однако за прошедшее тысячелетие сложились уже принципиально новые условия. Уже пресеклось непосредственное преемство, возникает исторический разрыв и приходится опосредованно заимствовать, переосмыслять и воссоздавать классическое имперско-республиканское наследие Рима. Наступает эпоха Ренессанса, возрождения классической древности, а за нею Просвещения, переосмысления классического опыта и образцов в терминах универсальных принципов разума.

Последующие трансферы

До сих пор в поле внимания были непосредственные и прямые трансформации. Они были сопряжены с воспроизводством основных структурно-функциональных рамок с некоторыми модификациями и дополнениями. Иными словами, при сохранении общей модели ее прежняя версия заменялась новой. Речи о созда-

нии принципиально новой модели не шло. Кризис перехода – десинхронизация порядка, его деконструкции и прорыв с последующей синхронизацией (см.: [Almond, Mundt, Flanagan, 1973; Окунев, 2009]) – был относительно неглубок и относительно краткосрочен. Исключение составили, пожалуй, времена междуцарствия на Западе с VI по VIII в. При этом сакральная вертикаль сохранилась, а церковь оставалась единой, хотя и не централизованной. Эрозия же и разрушение мирских иерархий были далеко не полными, а частичными. Так или иначе на Западе классическую теократию после двухвековой паузы сменил существенно обновленный теократический порядок каролингского образца. На Востоке переход был еще более плавным. Юстинианова фаза развития вообще стала соединительным интерфейсом двух крайне сходных теократий.

Последующие переносы-трансляции классического имперско-республиканского комплекса осуществлялись принципиально иначе. Одно дело, когда трансфер осуществляется между прежним и новым однотипным порядком (от империи к империи или от теократии к теократии, даже от империи к теократии или от теократии к хризалиде), а совсем другое – от хризалиды к сообществу территориальных государств.

Завершающий этап существования западноевропейской хризалиды охватил весь XIV и первую половину XV в. Он отмечен нарастанием кризисных явлений. В 1309 г. французские короли попытались установить контроль над Святым престолом в виде так называемого Авиньонского пленения, который перерос в Великую западную схизму (*Magnum schisma occidentale*), продолжавшуюся до 1417 г. Среди десятков войн и восстаний выделяется Столетняя война (1337–1453).

В ходе кризиса начинается и все ускоряется процесс дробления властной империи. Территориальные властители все более активно его присваивают и даже «приватизируют». Этот процесс к середине XV в. получает и институциональные формы [Spruyt, 1996]. Характерно, что как раз в это время 23 мая 1453 г. османский владыка Мехмед Завоеватель овладел Восточным Римом – Константинополем и тем самым символически пресек непосредственное наследование Риму.

Почти год спустя не менее символическое событие произошло в Италии. 9 апреля 1454 г. Венеция и Милан, уставшие

от долгой и ставшей бессмысленной вооруженной борьбы за мелкие территории, вместе с Флоренцией заключают мир в Лоди. Это вынужденное и конъюнктурное на первый взгляд соглашение стало великой вехой не только итальянской, но и мировой истории. За пару лет на его основе формируется так называемая Итальянская лига (*Lega Italica*) – принципиально открытое соглашение о поддержании мирных отношений между территориальными владениями, взаимно признающими равные права друг друга на свои территории и на общий мирный порядок.

Все это делалось при участии Рима, но не в качестве наследника Константиновой теократии и воплощения сакральной вертикали всего католического мира, а как светского сюзерена федерации мелких феодалов, именовавшейся Состоянием церкви (*Stato della Chiesa*). Эти четыре мощных по итальянским масштабам территориальных состояния вкупе с Неаполитанским королевством образовали пентархию, ставшую ядром первой системы территориальных государств [Mattingly, 1955, p. 178; Arrighi, 1994, p. 24, 40].

Одновременно и даже с небольшим запозданием в два поколения относительно территориального раздела чистого империя происходит мультипликация и присвоение сакральной вертикали. В конце октября 1517 г. Мартин Лютер прикрепил к дверям Замковой церкви в Виттенберге свои знаменитые тезисы. Началась Реформация, а с нею эпоха конфессионализма и религиозных войн, которые продолжались вплоть до Вестфальского мира 1648 г.

Территориальный раздел и консолидация однородных или даже единых политических порядков приобретали все большую четкость не только в Италии, но в других частях Европы. При этом проявлялись две тенденции. Эти процессы могли идти как снизу, так и сверху. Собираение территориальных политий сверху типично для династических центров с имперскими амбициями: Франции, Англии, Испании; в Швеции и Дании – после распада в 1523 г. Кальмарской унии. Консолидация снизу характерна для пояса городов. Яркие примеры – Швейцария и Нидерланды. Впрочем, были и исключения. В Священной Римской империи сочетались обе тенденции [Lehmbruch, 2002].

Использование того или иного подхода, равно как вариантов их совмещения или смешения зависело от множества факторов: геополитических, геоэкономических, популяционных, языковых, культурных и т.п. Однако концептуализация обобщающей модели

осуществлялась в терминах имперско-республиканского комплекса Рима. Различные модели профилировали либо имперскую, либо республиканскую составляющую. При этом перспектива консолидации сверху легко сочеталась с имперской акцентировкой, а снизу – с республиканской.

Вполне естественно, что в случае консолидации сверху на первый план выходили имперские аспекты институциональных дизайнов и практик, а при консолидации снизу – республиканские. Однако во всех случаях сохранялись и те и другие.

Как уже отмечалось, новые исторические и эволюционные условия выхода на новый уровень сложности политической организации способствовали отчуждению прежних образцов институциональной памяти. Между классическими и модерными – «нынешними»¹ для XV–XVII вв. – практиками вклинивались образцы теократии, дружинного господства, институционального самоопределения ектесий, цехов, орденов и прочих корпоративных образований. А это вело как к размыванию контуров институциональных образцов, так и к затруднению доступа к ним. Требовались усилия ученых людей и книжников, чтобы возродить образцы институциональной памяти в их классическом виде, не стертыми и не затертыми последующими наслоениями, а затем представить в виде исторических концепций идиографического, нормативного, сравнительного или даже прагматического толка.

Выражением подобного переосмысления классического опыта и его непрямого, опосредованного переноса в качественно отличные условия формирующегося Модерна стало так называемое макиавеллистское воздействие (*Machiavellian moment*) [Росcock, 1975]. Впрочем, своими трудами такое воздействие оказывали не только Никколо Макиавелли, но также Франческо Гвичардини, Иоганнес Альтузий, Жан Боден, Томас Гоббс и десятки ярких авторов [Skinner, 1978].

Опосредованный трансфер является крайне проблематичным, выборочным. По необходимости он редуцирует генотип используемого наследия. Для него характерна неполнота формул наследования и воспроизводства образцов. Однако в этом и пре-

¹ Прилагательное *modernus* образовано от наречия *modo* (только что, ныне) и обозначает нынешних людей и порядки в сравнении с людьми и порядками древними, античными, *antiquus*, т.е. «прежде виданными» от и. е. **h₂ent-* (вперед, раньше) + **h₂sekʷ-* (видеть).

имущество. Отбирается именно такое, что позволяет в ходе фактически горизонтального переноса структур и функций наиболее адекватно откликнуться на то, что мы привыкли называть вызовом времени, а в терминах эволюциониста-антрополога Терренса Дикона именуется «нехваткой» (absence) [Deacon, 2011; Дикон, 2019; Остапенко, 2019].

На практике это означает, что уже ощущаемая нехватка институциональных опор и решений компенсируется за счет сознательного копирования классических образцов и горизонтального переноса этого привоя на свой собственный подвой. Подобная нехватка может быть самой разной по характеру, начиная с потребности устойчиво согласовать права на территориальное господство внутри своих политий между властителями сопредельных стран (вспомним Итальянскую лигу), продолжая закреплением обратных связей между властителями и подвластными с помощью рефлексивной подотчетности (представительное правление) и кончая нынешним демократическим дефицитом, на который ответы только ищутся.

Новоевропейские трансферы начинаются с формированием государств-состояний в их межгосударственных системах (Итальянская лига, Аугсбургская диета, Вестфальские мирные соглашения). Римский имперско-республиканский комплекс используется в самых различных версиях: где с упором на республиканские стандарты (пояс городов), где с преобладанием имперских образцов (сопредельные зоны крупных династических центров). Однако так или иначе сохраняется некий пусть и несовершенный, но баланс. Итальянские республики обретают черты цезаристских синьорий, а якобы абсолютные монархии успешно встраивают сословное, корпоративное и территориальное представительство. Порой баланс удастся закрепить – во многом благодаря вниманию достаточно образованных властителей к обобщениям деятелей макиавеллистского толка. Порой властители полагаются на собственные интуиции и впадают в крайности, провоцируя проблемы и кризисы.

Собственно, имперский компонент активно используется при строительстве качественно новых политических образований – колониальных империй, где материнский полис (μητρόπολις) заменяется метрополией территориального государства-состояния, создающего заморские фактории, а затем и осваивающего прилегающие территории. Равным образом имперские схемы использу-

ются при консолидации претендующих на абсолютизм монархий для контроля и колонизации внутренних периферий.

Как бы то ни было, очень ценный опыт трансферов римского наследия осуществили создатели двух крупных политических образований за пределами роккановской концептуальной карты Европы – Соединенных Штатов Америки и Российской империи [Ильин, Барсукова, 2019].

Российский трансфер крайне интересен своей своеобразностью («особенная статья»), которая делает его своего рода контрольным примером («великий урок миру... урок для отдаленных потомств»). Макиавеллистское воздействие оставило Россию в стороне. О европейских политических авторах и интерпретаторах римского наследия едва кто и вспоминал. Практически никого не переводили, разве что Пуфендорфа, да и того, похоже, случайно. А уж политики, за исключением Василия Голицина, как и сам Петр, с римской историей были знакомы понаслышке из третьих рук. Неудивительно, что имперско-республиканский комплекс Рима дошел до людей, направлявших государственное строительство Московского царства, а потом и Российской империи, на формативных этапах в крайне усеченном и поверхностном виде. В результате они руководствовались собственными интуициями и самыми общими стереотипами о победах, торжестве и величии Римской империи. Даже такой важный акт, как провозглашение России империей, в значительной мере мотивировался имиджевыми соображениями и лишь косвенно отражал реальную империализацию отечественной политической системы.

Вместе с тем российские государственные мужи, и в первую очередь сам Петр, искали образцы не только в трактовках Писания или в обычаях Немецкой слободы, но в ближней и дальней истории. А образцы государственного строительства были крайне нужны. Вызов заключался в том, чтобы войти в уже сложившееся сообщество европейских государств не как неловкий варвар, а как претендент на присвоение империя в Даниловой череде четырех царств. Это было тем более важно, что в собственном цивилизационном контексте нужно было переизобрести эсхатологический Филофеев миф о встрече конца света в очищенном православии московского Третьего Рима – последнего вопреки Даниилу.

В этой ситуации лично Петр, сознательно или бессознательно, подражает римским императорам и Цезарю как первому из

них. Однако есть и другие фигуры, которые служат образцами. И первый среди них Константин. Оба властителя создают столицы на дальних пределах империи. Константин реконструирует Византий, превращая его в квинтэссенцию средиземноморской цивилизованности, а затем, в 330 г., провозглашает его столицей под названием Новый Рим. Вскоре город де-факто переименован в Константинополь. Петр создает Петербург на крайних балтийских пределах как повторение создания Нового Рима (Константинополя) и также делает его квинтэссенцией тогдашней европейскости по образцам Венеции и Амстердама.

Еще одна параллель: казнь Константином своего сына Криспа, а Петром – Алексея.

Помимо внешних параллелей сходны петровские и Константиновы стили личной концентрации власти. Формальная теократия подкрепляется сосредоточением всей церковной и светской власти в одном лице и личности императора. Строго говоря, и Петр, и реальный, а не мифологизированный христианскими теологами Константин, – чистые прагматики предельной концентрации власти в своих руках, империя, пронизывающего всю конструкцию и консолидирующего сам принцип вчинения порядка во всей его полноте и непосредственности.

В российской рецепции имперско-республиканский комплекс редуцируется до крайних пределов личной автократии, но при формальном сохранении некоторых республиканских симулякров, например сената. Важнейшая политическая установка заключается в имперском распространении новоизобретаемых порядков по образцу *Pax Romana*. Важным добавлением становится патримониализм и господство вотчинных порядков во всех сферах и на всех уровнях. В конечном счете происходит соединение строя царства образца ранних Романовых с западными абсолютистскими порядками и византинизма с сильной персоналистской окраской в духе Юстиниана и даже, скорее, Василия Вулгароктона.

Американский трансфер выстраивается совершенно иначе, можно сказать, контрастным образом. Еще в колониальный период активно используется имперско-республиканский комплекс, причем его ранняя классическая версия. В основе лежит баланс трех форматов властвования (монархического, аристократического и демократического), но при акцентировании республиканского синтеза, во всяком случае в ходе государственного строительства колоний.

Очень важно, что трансфер римских образцов осуществляется вполне сознательно. Колонистов отличает высокий уровень самообразования и начитанности. В ходе самоопределения, переросшего в борьбу за независимость, отцы-основатели ясно провозглашали следование классическим образцам. По уровню своей компетентности и знания римских источников и новоевропейских интерпретаций римского наследия Бенджамин Франклин, Джон Адамс, Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон, Александр Гамильтон, Джон Джей и десятки ярких авторов федералистского и антифедералистского толка стоят намного выше среднего европейского уровня.

Принятие конституции и дальнейшее государственное строительство знаменуют установление баланса между утверждением республиканских начал снизу и имперских начал сверху.

Наполеоновский трансфер стал еще одним примером удачного республиканско-имперского синтеза. Лично Наполеон всячески культивировал цезаристский стиль воспроизводства имперско-республиканского комплекса, причем сразу с ориентацией на Цезаря и Октавиана Августа. Император осуществил переоткрытие римского права в виде гражданского кодекса. То же касается октавиановской по стилистике административной реформы. Один из ведущих наполеоноведов нынешней Франции очень удачно назвал Наполеона последним римлянином [Boudon, 2021].

Нельзя упускать из виду также использование Бонапартом каролингских образцов и акцент на преемство – пусть и очень отдаленное – между каролингской империей франков и наполеоновской империей французов.

Прочие вызовы и ответы. Краткое по необходимости перечисление отдельных примеров рецепции имперско-республиканского комплекса Рима подводит к признанию необходимости широких сравнительных исследований. В числе научных проблем – иноцивилизационное усвоение классического наследия. Для нас, да и не только для нас, очень значим советский и постсоветский опыт. Велика научная актуальность изучения нового европейского трансфера Европейским союзом. Возникает вопрос о том, насколько возможно и перспективно переоткрытие Христианской республики нынешним Европейским союзом. Возможности просто уникальные, но состояние европейских исследований и нынешняя стилистика политики Брюсселя заставляют усомниться в способности и политиков, и наших коллег справиться с задачей адекватного использования имперско-

республиканского комплекса – и в его классических формах, и при учете каролингской рецепции. Исследовательских вопросов множество. Остается надеяться, что настоящая статья привлечет к ним внимание.

M.V. Ilyin*

**Translatio imperii. Reproduction
of the classical imperial institutional heritage**

Abstract. The article discusses various options for the institutional construction of imperial structures, one way or another identified with the classical empire of Rome. The review covers the Roman tradition proper and the formation of successive versions of the imperial-republican complex. There are two ways of using institutional: direct and direct inheritance with predominantly vertical transfer of properties and indirect perception with predominantly horizontal transfer. The continuation of its modified existence of the Roman tradition in the form of the theocratic symphony of the Kingdom of the Romans (Βασιλεία Ἰουλαίων) in the eastern Mediterranean and Chrysalis (theocracy with a feudalized horizontal and hierarchical vertical) of the Christian Republic (Respublica Christiana) in Western Europe is considered. There are three attempts to restore the completeness of the imperial structure even within the framework of the Western European chrysalis: the successful Charlemagne, not quite successful in the form of the Holy Roman Empire, and the completely unsuccessful efforts of the Plantagenets to establish an empire in the west of the Christian Republic during the Hundred Years' War. Further variants of the already mediated reproduction of the classical Roman orders in the United Kingdom, and then in the United States, as well as in the First French Empire, are being analyzed. Other imperial projects focused on the Roman heritage are also touched upon. The experience of European integration and the EU's use of republican and imperial aspects of the Roman complex, the use of institutional models of the Christian Republic and the Carolingian Empire are discussed. Special attention is paid to the imperial component of the national political tradition. It is shown that in all the cases under consideration, the imperial component is combined with other orders from patrimonial and monarchical to modern (corporate, consociative, federal, etc.). The use of the Roman heritage is carried out in the form of direct reproduction, indirect restoration, partial copying, imitation and even simulation.

Keywords: empire; imperium; transformation; political form; imperial-republican complex of Rome; Greater Mediterranean; theocracy; chrysalis.

For citation: Ilyin M.V. Translatio imperii. Reproduction of the classical imperial institutional heritage. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 100–137. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.04>

* **Ilyin Mikhail**, Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; National Research University Higher School of Economics; MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

References

- Almond G.A., Flanagan S.C., Mundt R.J. *Crisis, choice, and change. Historical studies of political development*. Boston: Little, Brown, and Company, 1973, 717 p.
- Arrighi G. *The long twentieth century: money, power, and the origins of our times*. London: Verso, 1994, 400 p.
- Benveniste E. *Dictionary of Indo-European social terms*. Moscow: Progress-University, 1995, 456 p. (In Russ.)
- Boudon J.-O. *Napoléon le dernier Romain*. Paris: Les Belles Lettres, 2021, 168 p.
- Deacon T. Human variability and the origin and evolution of language. *METHOD*. 2019, N 9, P. 363–366 (In Russ.)
- Deacon T.W. *Incomplete nature: How mind emerged from matter*. New York: WW Norton & Company, 2011, 624 p.
- Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic lexical fund. – Issue. 11. – Moscow: Nauka, 1984. – 220 p. (In Russ.)
- Ilyin I.V. *Essays on chronopolitical theory. Problems and possibilities of typological analysis of evolutionary forms of political systems. Part one. The foundations of chronopolitics*. Moscow: MGIMO, 1995, 113 p. (In Russ.)
- Ilyin M., Barsukova A. Stein Rokkan's conceptual map of Europe. Development in space and time. *Mezhdunzrodyie process (International processes)*. 2019, N 4, P. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17994/it.2019.17.4.59.1> (In Russ.)
- Ilyin M.V. *Words and meanings. An essay in interpreting key political concepts*. Moscow: ROSSPEN, 1997, 432 p. (In Russ.)
- Ilyin M.V. Alternative political forms in historical times and civilizational spaces (I). *Politeia*. 2014, N 4, P. 58–70. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2014-75-4-58-70> (In Russ.)
- Ilyin, M.V. Alternative political forms in historical times and civilizational spaces (II). *Politeia*. 2015, N 1, P. 82–102. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2015-76-1-7-82-102> (In Russ.)
- Ilyin, M.V. Family affinities of Leviathans. States in international systems. *Politicheskaia nauka (Political science)*. 2016, N 4, P. 22–42.
- Kaspe S. Empty space: Democracy as a political form. *Politeia*. 2016, N 2, P. 6–32. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-81-2> (In Russ.)
- Kaspe S. More about the concept of political form: form and subject (Answer to Mikhail Ilyin). *Politeia*. 2015, N 2, P. 54–65. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2015-77-2-54-65> (In Russ.)
- Kaspe S. On notion of political form. *Politeia*. 2012, N 4, P. 5–28. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2012-67-4-5-28> (In Russ.)
- Kornev T.A. Transfers in biology, linguistics and social sciences: divergence and convergence. // *METHOD*. – 2021. – Issue. 11. – P. 213–229. <http://www.doi.org/10.31249/metodannual/2021.11.10> (In Russ.)
- Kuzenkov P.V. The evolution of Empire: from the ancient world to modern times. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 80–99. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.03>

- Lehmbruch G. Quasi-consociationalism in German Politics. Negotiated Democracy and the Legacy of the Westphalian Peace // *Acta Politica*. – 2002. – Vol. 37. – №. 1/2. – P. 175–194.
- Mattingly G. *Renaissance diplomacy*. Baltimore (Maryland): Houghton Mifflin, 1955, 284 p.
- Okunev I. Yu. The Stanford model of development crisis. *Polis. Political studies*. 2009, N 3, P. 136–144. (In Russ.)
- Ostapenko G.I. The main scientific achievements of Terence Deacon. *METHOD*. 2019, N 9, P. 353–362. (In Russ.)
- Pocock J.G.A. *The Machiavellian moment: Florentine political thought and the Atlantic republican tradition*. Princeton: Princeton university press, 1975, 606 p.
- Polybius. The Histories in forty books. Vol. 2. – SPb.: Nauka (Science). 1995. – 424 p.
- Skinner Q. *The foundations of modern political thought: Volume I: The Renaissance, Volume II: The Age of Reformation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
- Skinner Q. The State. In: Ball T., Farr J., Hanson R.L. (eds). *Political innovation and conceptual change*. Cambridge: Cambridge university press, 1989, P. 90–131.
- Spruyt H. *The sovereign state and its competitors: an analysis of systems change*. Princeton: Princeton university press, 1996, 288 p.

Литература на русском языке

- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс – Универс, 1995. – 456 с.
- Дикон Т. Человеческая изменчивость и происхождение и эволюция языка // МЕТОД. – 2019. – Вып. 9. – С. 363–366.
- Ильин И.В. Очерки хронополитической теории. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Часть первая. Основания хронополитики. – М.: МГИМО, 1995. – 113 с.
- Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН, 1997. – 432 с.
- Ильин М.В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) // *Полития*. – 2014. – № 4. – P. 58–70. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2014-75-4-58-70>
- Ильин М.В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // *Полития*. – 2015. – № 1. – P. 82–102. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2015-76-1-7-82-102>
- Ильин М.В. Семейное дело Левиафанов. Государства в международных системах // *Политическая наука*. – 2016. – № 4. – P. 22–42.
- Ильин М., Барсукова А. Концептуальная карта Европы Стейна Роккана. Развертывание в пространстве и времени // *Международные процессы*. – 2019. – № 4. – С. 6–21. – DOI: <https://doi.org/10.17994/it.2019.17.4.59.1>
- Кастэ С.И. О понятии политической формы // *Полития*. – 2012. – № 4. – P. 5–28. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2012-67-4-5-28>

- Каснэ С.И.* Еще о понятии политической формы: форма и субъект (Ответ Михаилу Ильину) // *Полития*. – 2015. – № 2. – С. 54–65. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2015-77-2-54-65>
- Каснэ С.И.* Пустое место: демократия как политическая форма // *Полития*. – 2016. – № 2. – С. 6–32. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-81-2>
- Корнев Т.А.* Трансферы в биологии, лингвистике и социальных науках: дивергенция и конвергенция // *МЕТОД*. – 2021. – Вып. 11. – С. 213–229.
- Кузенков П.В.* Эволюция империи: от Древнего мира к Новому времени // *Политическая наука*. – 2022. – № 1. – С. 80–99. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.03>
- Окунев И.Ю.* Стэнфордская модель кризиса развития // *Полис. Политические исследования*. – 2009. – № 3. – С. 136–144.
- Остапенко Г.И.* Главные научные достижения Теренса Дикона // *МЕТОД*. – 2019. – Вып. 9. – С. 353–362.
- Полибий.* Всеобщая история в сорока книгах. Т. 2. – СПб.: Наука, 1995. – 424 с.
- Этимологический словарь славянских языков.* Праславянский лексический фонд. – Вып. 11. – М.: Наука, 1984. – 220 с.